

Константин СОМОВ

Хлеб войны-2

По ту сторону

**“Все планирующие и руководящие организации, ответственные за продовольственное снабжение и сельское хозяйство Германии, находились перед началом и в ходе Второй мировой войны под впечатлением трудностей и неудач Первой мировой войны. У каждого немца, пережившего Первую мировую войну, глубоко запечатлелось в памяти воспоминание о холодной зиме и брюквенной похлебке” (статс-секретарь в отставке Ганс-Иоахим Рике).
Drang nach Osten
(Путь на Восток)**

Еще до нападения Германии на СССР, 2 мая 1941 года в канцелярии Адольфа Гитлера были разработаны рекомендации для будущего верховного правителя оккупированных Восточных областей Альфреда Розенберга. Первый пункт этих рекомендаций гласил: “Войну следует продолжать только в том случае, если на третьем году ее ведения (отсчет от 1 сентября 1939 года, дня нападения Германии на Польшу. - Ред.) весь вермахт будет снабжаться продовольствием из России”.

Это факт: в мирное время калорийность пайка солдата гитлеровской армии была выше, чем в военное - 3507 калорий и 2750 соответственно. Таким образом немецкого солдата открыто подталкивали к грабежу местного населения. С октября 1941 года фашистское командование разрешило своим военнослужащим отправлять в Германию посылки с продовольствием, получить которое можно было только у населения оккупированных областей. Массовый грабёж начался с первых дней оккупации, что зафиксировано даже в немецких штабных документах.

Понимая такие слова, как “яйки”, “масло”, “млеко”, “шпик”, мы стали сразу, вспоминая в своей книге “Судьба детей войны” пацаном переживший “новый порядок” яровчанин Василий Свиридов. - Да только где же набрать этих самых “яйк”, когда один зашел, второй, а третьему уже нету. Говоришь ему: “Ваш пан заходил, забрал”. Не верит. А если их двое, то один стоит в дверях, а второй начинает шарить по хате. И в печь заглянет, и в подпол, мимо сундука тоже не пройдет, тут уж что ему понравилось, то и берет.

“Помогала” хорошо питаться немецкому солдату и ранее покоренная Европа. Летом 1942-го перед отправкой в Россию рядовой немецкой армии Ги Сайера получил: “Четыре банки французских сардин, две вегетарианские колбаски в целлофановой упаковке, пачку витаминизированного печенья, две плитки швейцарского шоколада и 200 г кускового сахара. А также плащ-палатку, пару носков, шерстяные перчатки и аптечку” (здесь и далее - по книге Ги Сайера “Последний солдат третьего рейха”. - Ред.).

В окопах Восточного фронта

Поначалу войска вермахта снабжались продуктами и обустроивались в бытовом плане с присущей немцам аккуратностью и педантичностью. К приме-

ру, немецкие блиндажи в отличие от наших землянок отапливались в холода не печурками, а ламповыми обогревателями, работающими на бензине и керосине. Высоко ценились созданные немцами специалистами исключительно для русской погоды палатки из водонепроницаемой ткани, имелись у солдат и спальные мешки.

Хотя по нормам довольствия военнослужащему вермахта полагалось 0,25 л водки в месяц, спиртного на германских позициях было более чем достаточно. “На фронте водки, шнапсу и ликера столько же, сколько пулеметов, - рассказывал Ги Сайеру раненый немецкий пехоти-

на считается 364 случая, когда захваченные на мародерстве, утаивании и краже продовольствия германские военнослужащие получили смертные приговоры.

Даже шестьдесят с лишним лет спустя “интересна”, наверное, и такая вещь - госпитальный паек вермахта был вдвое ниже обычного солдатского пайка. В последние же недели сталинградского “котла” фельдмаршал Паулюс распорядился не выдавать продукты для своих раненых совсем - это факт, неоднократно подтвержденный немецкими источниками.

Общеизвестно, как страдали немецкие солдаты в России от холода. Еще осенью 41-го жителям каждой оккупированной фашистами деревни предписывалось поставить для германской армии по 3-4 пары валенок, а бургомистрам и старостам собирать у населения шубы, шарфы, варежки.

Неустанно заботясь о своих солдатах, немецкое командование издавало также памятку “Защита от обморожения”. Вот она:

“Ноги и руки: особенно чувствительны к морозу. Менять чаще носки (грязь не держит тепла), вкладывать солому, картон или газетную бумагу. Для защиты ног от обморожения рекомендуется завертывать сапоги в солому или тряпки. Лучшей зашитой для ног являются валенки (русские) или сапоги, изготовленные из соломы (выделку последних производить силами пленных или местных жителей).

Защита рук: лучше иметь 2 пары тонких перчаток, чем одну пару толстых. Очень хороши варежки (из русского брезента), сделать указательный палец”.

Собственное же обмундирование (не из “русского брезента”) у немцев чем дальше, тем больше оставляло желать лучшего. Вот воспоминания того же Ги Сайера о полученной им весной 1944-го новой форме: “Вскоре радость от новой формы сменилась разочарованием. Качество ее было намного хуже, чем прежней. Мундиры оказались из хилого материала, напоминавшего картонку. Сапоги изготовлены из жесткой низкосортной кожи. На лодыжках она ломалась, а не собиралась. Хуже всего обстояло дело с бельем: оно было сшито из такой ткани, что чувствовалась она только в тех местах, где была сшита вдвое - на кайме и швах. Новые носки, в которых мы так нуждались, оказались намного длиннее прежних, но грели меньше. Они были изготовлены из нейлона - тогда про него мало кто слышал”.

На чужой земле

Пункт N 1 уже упоминаемых рекомендаций для верховного правителя оккупированных Восточных областей с первых дней “нового порядка” выполнялся неукоснительно. Для селян ввели ежегодные нормы обязательных поставок. К примеру, в Смо-

ленской области они были такими: 60% урожая всех сельхозпродуктов, 500 л молока с коровы, 35 яиц с курицы, 50 кг мяса независимо от наличия или отсутствия скота.

Дальше - больше. Летом 1943-го оккупанты приняли решение, согласно которому употребление в пищу сельским населением растительного и животного масла, лука, картофеля, птицы, мо-

успехи партизанского движения в России объяснялись, конечно же, победами Красной Армии, ухудшением международного положения Германии, а также “неумением немцев пить водку и, как следствие этого, неуважением к ним со стороны населения”.

В последний год третьего рейха

Одна из самых драматичных страниц в книге Ги Сайера, так и не осудившего ни себя, ни своих товарищей за их “русский поход”, посвящена бегству немецкой армии из Украины в Румынию летом 1944-го.

“Солдаты глотки готовы были перерезать кому угодно за козье молоко, пару картофеля или пригоршню пшена. Осталось несколько солдат, не потерявших человеческого облик. Одни умирали, но сохраняли консервированное молоко для молодых и слабых, других до смерти забивали това-

рищи, подозревая, что они утаивают пищу. Как правило, обнаруживалось, что у них ничего нет”. К концу войны резко снизились и средние нормы выдачи продуктов населению в самой Германии. Весной 1945-го среднестатистическому немцу полагалось в месяц: 5800 г хлеба, 300 г крупы, 1000 г мяса, 500 г жиров, 375 г сахара и 10 кг картофеля.

Вот как об апрельских днях 45-го вспоминал командарм 8-й гвардейской армии дважды Герой Советского Союза Василий Чуйков:

- К тому времени на складах и продуктовых базах немецкой столицы остались считанные тонны муки, немного мясных и рыбных консервов. Мяса, крупы, молочных продуктов уже не было. Народ голодал. Дети лезли к танкам, под огонь пулеметов и орудий, лишь бы добраться до наших кухонь, выпросить кусочек хлеба, ложку супа или каши. Бойцы кормили из своих котелков немецких детей, совали им в руки консервы, сахар - неси, мол, домой.

Праздник

“Девятого мая 1945 года радовался все, - вспоминал пехотный солдат Иван Коломоец. - И не только мы, но и большинство гражданских немцев. А как же, наконец весь этот кошмар кончился. Они его на себе под конец войны очень хорошо ощущали”. А мальчишкой получивший медаль “За доблестный труд в Великой Отечественной войне” яровчанин Иван Логвиенко рассказывал так:

- День Победы я встретил в поле. Пахали. Прискакал из деревни верховой, кричит: “Война кончилась!” Порадовались, конечно, и стали пахать дальше. За нас-то делать это некому было. Хорошо запомнил я день 15 декабря 1947 года, когда отметили хлебные карточки. Я уже жил в городе. Занял денег, купил кирпич хлеба, килограмм комбиджир, кило сахара и все это съел. Для меня это был самый настоящий праздник.

Солдаты армии Паулюса отмечают “взятие” Сталинграда. Недолго уж им...

Перекресток.

нец. - Так легко сделать из любого героя. Водка притупляет мозги и добавляет сил. Два дня подряд я только и пью и забываю про осколки в кишках”. А наш комбат Засухин вспоминает о захваченных под Витебском трофеях так: “Был поражен обилием всяких французских прекрасных вин, не говоря о шнапсе. Они (немцы) в этом смысле богато жили”.

Однако уже в 1941-м “богатая жизнь” немецких солдат все чаще не обходилась без “плача”. Еще хлеще пришлось гитлеровским “нибелунгам” в Сталинграде. “Уже в декабре 1942-го дневной рацион составлял 200 г хлеба на передовой, 100 г в тылу, - написал после войны офицер-разведчик из шестой армии Паулюса Иоахим Видер. - Общую зависть вызывали части, имеющие лошадей. Впрочем, юмор “висельников” не покидал нас - так, иногда вспомнив не без удовольствия последний гуляш из конины, мы хором затягивали фронтovou песню о немецком солдате на Востоке: “Кто, попавши в “котел”, свою лошадь не жрал, тот солдатского горя не знал”.

За время нахождения шестой армии в сталинградском “котле”

На Берлинской улице. 1945 г. Весна.

Немецкий госпиталь у Бранденбургских ворот.